

грамм комплексного решения экологических проблем современности как первоочередной задачи выживания цивилизации. Известно, в 2005-2006 г.г. даже США не смогли самостоятельно изыскать необходимые средства, препараты, специалистов в предстоящей борьбе с надвигающейся угрозой «птичьего гриппа» из Азии и Европы.

В динамичном мире III-го тысячелетия бесперспективно изучать биотехно-логические новации изолированно от общеэкологической стратегии, как это имело место в научных публикациях века прошлого. Современная биотехнология не что иное, как составляющий элемент общеэкологической стратегии, представляющий стержневые биологические, агрохозяйственные, технико-технологические и иные методы производственных циклов, базирующихся на принципах устойчивой регенерации всей иммунно-функциональной системы живой природы и организма человека. Именно в этом заключено величайшее предназначение биотехнологий и в целом мировой науки XXI столетия.

Литература

1. Ашмарин И.П. Доклад по биобезопасности на первом Российском симпозиуме. М., 2003. – 5 с.
2. Кочергин А.Н. Экология и техносфера. М., 1995. – 168 с.
3. Поздняков В.В. Социокультурные основания экологической безопасности. Мн., 2004. – 3 с.
4. Цидендамбаев В. Генетически модифицированные организмы, биологическое оружие и терроризм // ЭКОС. – 2005 (весна-лето). – 46 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Одним из значимых факторов глобализации является массовая коммуникация, формирующая специфическую для современного этапа развития общества глобальную информационную среду и способы взаимодействия ее субъектов. В своем развитии средства и способы коммуникации прошли несколько этапов, каждый из которых коррелирует с определенными формами социокультурной практики, психическими и ментальными свойствами индивидов. М. Маклюэн выделяет, во-первых, эпоху дописьменного варварства, когда преобладала устная коммуникация, а индивид не отделял себя от окружающего мира и от общины; во-вторых, эпоху кодификации, которая наступает с появлением письменности, а затем и печати, и характеризуется рационализацией воспринимаемого мира и отчуждением; в-третьих, аудиовизуальную эпоху, когда наступает господство электронных средств массовой коммуникации. Его анализ данной формы коммуникации показывает, что электронные средства массовой информации кладут конец психической, социальной, экономической и политической изоляции, а моментальная электронная связь превращает мир в «глобальную деревню». Характерными для этого этапа развития массовой коммуникации являются также перманентный и бессистемный характер информации, направленной на потребителя, а также формирование особого объекта (и одновременно субъекта) коммуникации – массы с усредненным восприятием мира.

Французский философ Ж. Бодрийяр в своих работах «Реквием по масс-медиа» [1] и «В тени молчаливого большинства» [2] также раскрывает специфику современных средств массовой коммуникации, которая в его интерпретации перестала быть коммуникацией по существу, так как сводится к передаче и приему информации, но не допускает ее обратимости и обмена. По определению Бодрийяра, средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетран-

зитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность. По Бодрийяру, реальность – это некая система объектов, связанных в сознании субъекта отношениями обмена и использования, ценности и эквивалента; это проективный, воображаемый или символический универсум, в котором значимы оппозиции субъекта-объекта и публичного-частного. В любом случае реальность трактуется мыслителем как проекция субъекта на объект, а объект рассматривается как сцена (или зеркало), на которой разыгрывается личностная или социальная драма субъекта.

Характеризуя современную ситуацию, Бодрийяр пишет: «... люди больше не проецируют себя на свои объекты, не проецируют свои аффекты и представления, свои фантазии о том, чтобы обладать ими, свои утраты, печаль, зависть: в этом смысле психологическое измерение исчезло, и даже если оно всегда может быть во всех мелочах размечено, чувствуется, что оно нереально, что вещи улетучились» [3, 127]. Иными словами, происходит своего рода мутация объектов и среды, инициируемая тремя взаимосвязанными тенденциями: возрастающей формальной и операциональной абстрактностью элементов коммуникации и их функций; их гомогенизацией в едином виртуальном пространстве; заменой телесного передвижения и усилия на электрические и электронные команды. Для обозначения такого рода гиперреальности Бодрийяр вводит понятие «обсценности» («обес-сценности») – того, что имеет место не на сцене и не за сценой, а вообще вне реальности субъекта: «Хорошо известно, как простое присутствие телевидения превращает оставшуюся часть жилища в некую разновидность архаической обертки, в некий рудимент человеческих отношений, чье собственное выживание оказывается сомнительным. Когда с этой сцены исчезают ее актеры и их фантазии, когда действие кристаллизуется на отдельных экранах и операциональных терминалах, тогда то, что осталось, является только как большое бесполезное тело. Само реальное является как большое бесполезное тело, опустошенное и проклятое» [3, 129]. Гиперреальность характеризуется также миниатюризацией в пространстве и времени тех процессов, которые ранее происходили в личностном и социальном пространстве-времени субъекта, а в эпоху электронных средств массовой коммуникации выступают во взаимодействии бесконечно малой памяти и экрана, с которым они сообщаются: «Это время миниатюризации, телекоманд и микропереработки времени, тел. удовольствий. Нет больше идеального принципа для подобных вещей ни на самом высоком уровне, ни в человеческом масштабе. Остаются лишь концентрированные эффекты, миниатюризированные и доступные непосредственно. Это смещение от человеческого масштаба к системе ядерных матриц наблюдается повсеместно...» [3, 129]. Бодрийяр видит это смещение, во-первых, в элиминации неопределенной географической периферии и смысловом переносе всех значимых событий в города; во-вторых, в не востребованности свободного времени, которое оказалось бесполезным из-за мгновенности коммуникации; в-третьих, в размывании границ и различий между личным и социальным пространством: «... это исчезновение публичного пространства происходит одновременно с исчезновением приватного пространства. Одно – уже более не спектакль, другое – уже более не тайна. Их четкая оппозиция, ясное различие экстерьера и интерьера строго описывали домашнюю сцену объектов, с ее правилами игры и пределами, и суверенностью символического пространства, которое было при этом пространством субъекта. Теперь эта оппозиция изгладилась в некий род *обсцен-*

ного, где большинство интимных процессов нашей жизни становится виртуальной питательной почвой для медиа... Наоборот, целый универсум начинает произвольно разворачиваться на вашем домашнем экране...» [3, 130].

Бодрийяр показывает, что современная разновидность коммуникации потенциально содержится уже в товарной форме обмена, которая еще в анализе Маркса обнаруживает абстрактность и возможность формальной транскрипции всех объектов. Сообщение, которое передается через товар, всегда одно и то же, - меновая стоимость объектов. Поэтому сообщение в своей основе уже не существует, оно принуждает само себя к чистой циркуляции. В современном универсуме коммуникации способность товара репрезентировать любой объект наследует информация как средство коммуникации. Но если товар «передал» сообщение только о стоимости объекта, то информация «считывает» любое проявление объекта, превращая его в простой элемент коммуникации. Коммуникация в форме обмена меновых стоимостей так же, как и массовая коммуникация, предполагала определенный тип беспорядочных связей, но она имела органический характер, была так или иначе связана с плотской жизнью и духовным миром индивидуума. В отличие от нее «промискуитет, который царствует над коммуникационными сетями, оказывается промискуитетом поверхностного насыщения, непрерывного приставания, истребления промежуточных и защитных пространств», «сеть захватывает и улавливает меня с нестерпимой добросовестностью того, что хочет и призывает меня коммуницировать» [3, 131]. Такое состояние индивида, когда он погружен в перманентный процесс насыщения информацией и сам является фрагментарным участником этого процесса, Бодрийяр называет экстазом коммуникации – гиперреальностью «видимого, слишком-видимого, более-видимого-чем-видимое» [см. там же].

Такой экстаз по мысли Бодрийяра имеет негативный характер, поскольку индивид не свободен в выборе цели, способа и средств коммуникации: он вынужден воспринимать то, что ему сообщается из насыщенного пространства коммуникации всеми, кто хочет быть воспринятым. Коммуникация поэтому не приносит более удовлетворения и не вызывает удовольствия: «... вся тенденция нашей современной «культуры» ведет нас от постепенно исчезающих форм выразительности и соревнования... к преобладающим формам риска и головокружения. Последние более не включают сценической игры, зеркала, вызова и дуальности: они, скорее, экстатичны, индивидуалистичны и нарциссичны. Удовольствие уже извлекается не из манифестации, сценической и эстетической, но, скорее, из чистой fascinации, алеаторики и психотропики» [3, 132]. Категорический императив современной коммуникации Бодрийяр формулирует следующим образом – принудительная экстраверсия всего внутреннего и принудительная инъекция всего внешнего [см. там же]. Массовая коммуникация порождает, по его мнению, новый вид патологии (в сравнении с истерией как патологией выразительности и паранойей как патологией организации) – шизофрению, причины которой – «абсолютная близость, тотальная мгновенность вещей, ощущение незащищенности, отсутствие уединенности» [3, 133]. Для индивида экстаз коммуникации, по Бодрийяру, - это «конец внутреннего и интимного, выпячивание и прозрачность мира, который пересекает его без всяких преград. Он более не способен проводить границу собственного существования; не способен разыгрывать пьесу себя самого, не способен творить себя как зеркало. Отныне он лишь чистый экран, переключающийся центр для всех сетей влияния» [там же].

Суммируя сказанное, следует отметить, что в изложении Бодрийяра массовая коммуникация является не столько следствием изменяющихся социокультурных условий, сколько фактором, формирующим сами эти условия. Характер современных средств коммуникации таков, что коммуникационная среда охватывает все проявления

частной и публичной жизни, причем ее воздействие непрерывно, беспорядочно и принудительно. В силу этого индивид как участник коммуникации утрачивает реальность собственного «я» и включается в гиперреальность коммуникативного пространства, которое лишает объект субъективного качества и превращает его в совокупность эффектов: «Страсть удвоения, эскалации, восхождения к власти, экстаза – некоторого качества, которое, переставая соотноситься со своей противоположностью (истина лжи, красота безобразной, реальность воображаемого), становится высшей властью, положительно величественной, ибо оно как бы поглощает всю энергию своей противоположности. Вообразите красоту, которая поглотила всю энергию уродства: вы получите моду... Вообразите истину, которая поглотила всю энергию лжи: вы получите симуляцию...» [4, 2]. Массовая коммуникация и формируемое ею социокультурное пространство, по Бодрийяру, есть не что иное, как фонтанирующее размножение формальных качеств, которое мыслитель и называет экстазом: «Экстаз есть чистое качество любого тела, которое вращается вокруг себя самого вплоть до обесмысливания и благодаря этому начинает светиться своей чистой и пустой формой» [там же]. Вся современная культура существует в экстатических формах: симуляция есть экстаз реальности, а массы суть экстаз социального. «Реальное не стирается в пользу воображаемого, оно стирается в пользу более реального, чем реальное: гиперреальности» [4, 3].

Реакцией на такое состояние становится не забвение старых ценностей, а чрезмерно определенное обострение всего относительного, конечного и функционального; определенность перерастает в гиперопределенность, поглощая неопределенность, неизбежность – в гипернеизбежность, поглощая случайность. Лейтмотивом современной жизни Бодрийяр поэтому считает сверхспециализацию объектов и людей, операциональность малейших деталей и сигнификацию мельчайших знаков, которые выражают инерцию социального и культурного: «Феномены инерции разрастаются. Размножаются застывшие формы и рост замораживается в развращении... Массы также вовлечены в этот исполинский процесс инерции. Масса есть этот развращенный процесс, ускоряющий гибель всякого роста. Это кольцо-окольцованное чудовищной финальностью» [4, 4]. Информационное общество, по мнению французского мыслителя, достигло мертвой точки, в которой любая система переступает границу обратимости и перехода в свое иное. За этой гранью события происходят без последствий, приобретаая характер катастрофы: «Катастрофа – это полное максимальное событие, еще более событийное, чем событие, – но событие без последствий, когда мы оказываемся в неизвестности» [4, 7]. Любое событие в современном мире открывается всевозможным толкованиям, причем ни одно из них не способно уловить смысл, поскольку вероятны все причины и все последствия.

Безучастный товарообмен индустриального общества сменяется инерцией массовой коммуникации, приобретшей глобальный характер, субъектом и эталонной инстанцией которой является имманентное самому себе человечество. «С этого момента насилие глобального – насилие системы, которая третирует любые формы негативности, сингулярности, включая крайнюю форму сингулярности, а именно, саму смерть – насилие общества, где мы в принципе лишены права идти на конфликт, где запрещена смерть – насилие, которое кладет конец в некотором смысле самому насилию и работает над тем, чтобы поставить на место мир свободный от всякого естественного порядка вещей, будь то тело, секс, рождение или смерть» [5, 20]. Бодрийяр полагает, что противодействие глобализации не является цивилизационным шоком, а представляет собой про-

тивостояние на антропологическом уровне – между универсальной недифференцированной культурой и культурами, сохранившими дифференцированность.

Бодрийяр сравнивает глобализм с религиозной ортодоксией, поскольку обеим ориентациям свойственны фундаментализм и консерватизм, а все отличные формы воспринимаются как еретические. Поскольку западная культура (с точки зрения Бодрийяра) давно уже не имеет собственных ценностей, постольку миссия Запада ныне сводится к тому, чтобы всеми средствами подчинить другие культуры универсалистскому закону равнозначности. «Речь не о том, чтобы отказать современности в ее претензиях на универсальность. Каким бы очевидным Добром и естественным идеалом в своем роде она не пыталась предстать, универсальность наших нравов и ценностей ставится под сомнение, несмотря на то, что некоторыми умами это характеризуется как фанатизм и нечто само по себе преступное в отношении единого мышления и консенсуальных перспектив Запада» [5, 21]. Сущность противостояния западных культур Западу, а также проклятие самой западной культуры Бодрийяр видит в том, что ней оказалось нарушенным символическое равновесие людей и вещей. В традиционных культурах всегда была (и есть) возможность воздать должное властной инстанции – будь то природа, Бог или нечто иное, в западном же обществе нет никого (ничего), кому можно было бы вернуть символический долг. «Мы пребываем в жестком и достаточно суровом положении, получая, причем всегда получая, не от Бога или природы, а от технического механизма общего товарообмена и всеобщего вознаграждения. Потенциально нам все дано, и мы имеем волей-неволей право на все», – пишет Бодрийяр и продолжает: «То, что мы презираем в себе, трудноразличимый объект нашей злобы – это как раз избыток реальности, избыток власти и комфорта, этой всеобщей свободы, этого окончательного осуществления – участь, которую приберег для «домашних», «ручных» масс Великий Инквизитор Достоевского» [5, 22].

Подводя итог анализу идей Бодрийяра, можно отметить, что массовая коммуникация формирует специфическую социальную и культурную среду – гиперреальность, в которой размыты границы между субъектом и объектом, частным и публичным. Категорическим императивом массовой коммуникации является принудительная экстраверсия всего внутреннего и принудительная инъекция внешнего, следствием которых становится шизофреническое состояние индивида, не имеющего возможности провести границу между собой и навязываемой ему в ходе коммуникации информационной средой. Возникает «экстаз коммуникации», который приводит к социальной инерции, охватывающей все сферы и структуры западного общества. Глобализм может быть рассмотрен как выражение социальной инерции, распространяющейся на те культуры, которые сохранили внутреннюю дифференциацию и динамику. Данная точка зрения не является бесспорной, однако трудно не согласиться с философом в том, что антиглобалистские настроения основаны «на незримом отчаянии привилегированных глобализацией, на нашем собственном подчинении интегральной технологии, подавляющей виртуальной реальности, фактическому господству сетей и программ, которое уже очерчивает инволюционный, стареющий профиль человеческого рода вообще. ... И это наше незримое отчаяние лишено и жалоб, и апелляций, ведь оно происходит из осуществления всех желаний» [5, 23].

Литература.

1. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / пер. с франц. М.М. Федоровой // Материалы кафедры социологии культуры Санкт-Петербургского университета / www.soc.spb.ru.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.

3. Бодрийяр Ж. Экстаз коммуникации / пер. с франц. Д.В. Михель // Электронная полнотекстовая библиотека Ихтика / Книги по философии / www.ihitik.lib.ru.
4. Бодрийяр Ж. Экстаз и инерция / пер. с франц. Б. Юлдашходжаева // Электронная полнотекстовая библиотека Ихтика / Книги по философии / www.ihitik.lib.ru.
5. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации / пер. с франц. Ю. Бессоновой // Логос. – 2003, № 1.

КОНСТИТУЦИЯ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1992 г. – ОСНОВНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Казимерас Монкявичус

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Трансформация литовского общества, начавшаяся в годы перестройки, получила более интенсивное развитие во второй половине 1988 года, когда 3 июня была основана инициативная группа Литовского Саюдиса Перестройки (LPS), а 22 - 23 октября состоялся первый съезд Саюдиса [7].

Вследствие интенсивно развивающегося процесса трансформации, Литва стала первой из союзных республик, которая Актом от 11 марта 1990 года, объявила о восстановлении государственной независимости [7]. Таким образом, Литва стала первой республикой бывшего СССР, избравшая независимый путь развития и начавшая демократические преобразования общества.

В процессе трансформации литовского общества можно выделить два основных периода:

– первый – революционный, начавшийся во второй половине 1988 года и длившийся до конца октября 1992 года;

– второй – эволюционный, начавшийся в конце 1992 года [8].

В течение первого – революционного периода – были созданы идеологические, политические и экономические предпосылки для дальнейшего осуществления демократических преобразований [8], а в конце периода данные предпосылки получили конституционно-правовую основу. 25 октября 1992 г., на всенародном референдуме, была принята Конституция Литовской Республики [1, 8].

В течение второго – эволюционного периода – начались структурные изменения в политических, экономических и социальных сферах. В политической сфере было осуществлено разделение государственной власти, образовано демократическое государство, созданы новые институты власти, началось восстановление старых и образование новых политических партий, была образована многопартийная система [2, 8]. В экономической сфере – восстановление и укрепление частной собственности, образование частного сектора производства, переход к рыночной экономике. Структурные изменения в политической и экономической сферах привели к значительным изменениям и в сфере социальной: произошла трансформация рабочего класса. Сократилось число работников, задействованных в промышленности; начался рост числа работников, связанных с частным предпринимательством и сферой услуг. В связи с резким изменением форм собственности и хозяйствования на селе, существенно изменился облик крестьянства, началось его численное уменьшение. Изменения коснулись и интеллигенции, особенно ее творческого слоя, также в сторону сокращения численности. А появление новых форм собственности привело к образованию нового социального слоя, связанного с крупным, средним и мелким предпринимательством [7, 8].